

ПИСЬМА А. К. ТОЛСТОГО к М. В. ВОЛКОВОЙ (ЛЬВОВОЙ)

Сообщение Е. Н. Дунаевой

В Государственном Литературном музее хранятся 4 письма А. К. Толстого к его двоюродной сестре Марии Владимировне Волковой, урожденной княжне Львовой. Письма эти представляют несомненный интерес для изучения биографии и творчества писателя.

Отцом М. В. Волковой был князь В. В. Львов, посредственный литератор, более известный в роли цензора Московского цензурного комитета; за пропуск отдельного издания «Записок охотника» И. С. Тургенева он был по личному распоряжению Николая I отстранен от должности. Его жена, одна из сестер матери Толстого, после смерти мужа продолжала поддерживать знакомства в литературных кругах. Среди знакомых семьи Львовых можно назвать Аксаковых, Тургенева, Л. Н. Толстого. С. Л. Толстой в своей статье «Об отражении жизни в «Анне Карениной» называет Львовых в ряду типичных московских семей, вызвавших по зякам «в свет» своих многочисленных дочерей¹. С именем Александры Владимировны связан эпизод из жизни Л. Н. Толстого — в пору написания «Семейного счастья» он был увлечен ею, думал о браке с ней. Елизавета Владимировна Львова известна как автор повестей и рассказов, печатавшихся в «Вестнике Европы», получивших одобрение И. С. Тургенева; она оставила воспоминания о встречах с И. С. Тургеневым и А. К. Толстым².

О М. В. Волковой (1833—1907), к которой обращены письма Толстого, мы располагаем весьма ограниченными сведениями. В 1861 г. она вышла замуж за С. С. Волкова, предводителя дворянства Клинского уезда, гласного московского земства первого созыва. М. В. Волкова жила в Москве, была одной из дам-благодетельниц.

Как видно из писем, Толстой поддерживал отношения с родными на протяжении всей жизни, однако его переписка с М. В. Волковой не была регулярной. Первое из писем относится к 1860 г., последнее датировано 1875 г. В письмах много семейно-бытовых подробностей, связанных с предстоящей свадьбой Марии Владимировны, с болезнью Е. А. Жемчужниковой, с устройством дел А. Г. Гагарина и т. п. Они отличаются шутливым тоном, столь характерным для эпистолярного наследия Толстого. Но есть в них также материал, далеко выходящий за рамки родственной переписки.

В первом письме, которое может быть датировано началом апреля 1860 г.³, Толстой делится с кузиной результатами своей творческой работы:

«Ты всегда, Маша, была добрая, степенная девушка. Почему же мне не сказать тебе, что я много написал с тех пор, как мы не виделись. Кончил роман в четырех частях, исторический, совестливый и, говорят, занимательный. Одну драму или, скорей, драматическую поэму «Дон-Жуан», заслужившую одобрение некоторых лиц, хотя и не сановных, но достойных уважения.

Да множество мелких стихотворений. Все это будет пущено en gerbe *, скажу скопом, по возвращении моем».

Упомянутый здесь исторический роман «Князь Серебряный» был окончен весной 1860 г., в последующие годы Толстой работал над его окончательной редакцией. Определение романа как «совестливого» отвечало позиции автора, его пониманию отношений «избранных» людей к носителям неограниченной власти. Некоторые несановные

* в снопах, т. е. вместе, полностью (франц.).⁴

лица, одобрявшие поэму «Дон-Жуан», — очевидно, В. П. Боткин, которому Толстой ее дважды читал. Намерение издать полностью стихотворения было осуществлено Толстым в 1867 г.

В этом же письме Толстой пишет: «Что дорожка? Произведение рук человеческих, а я всегда вспоминаю с удовольствием, как мы раз удрали в лес и поздно вечером вернулись домой, никем не примеченные». Фраза, эта, подкреплённая устным преданием, сообщенным прежними владельцами писем, дает возможность по-новому прокомментировать одно из ранних стихотворений Толстого: «Ты помнишь ли, Мария...» Первые комментаторы безоговорочно относили все лирические стихи Толстого к С. А. Миллер. Однако текст этого стихотворения был включен в так называемую «Смирновскую тетрадь», переписанную Толстым для А. О. Смирновой еще до встречи с С. А. Миллер. По своей тональности оно резко отличается от тревожно-мучительных переживаний ранних стихотворений «миллеровского цикла».

Согласно семейному преданию стихотворение обращено к Марии — княжне М. В. Львовой, в ту пору 15-летней кузине поэта. Приведенная фраза из письма имеет прямую параллель в стихотворении:

И роща, где впервые
Бродили мы одни?
Ты помнишь ли, Мария,
Утраченные дни? ⁴

«Старинный дом», о котором говорится в стихотворении, — не роскошный дворец графов Разумовских, как это указывалось в комментариях, а небольшая подмосковная усадьба разорившейся княжеской семьи, село Спас-Телешово на Петербургском шоссе близ Клина. Верное объяснение получают и пропущенные строфы стихотворения, сохранившиеся в тетради Смирновой:

Вельмож суровых много
И много важных дам
На нас смотрели строго
И чопорно из рам.

Служившие когда-то
Бояре при царях
С осанкой бородатой
Иль в белых париках,

Именьем щедро розным
Даримые двором
Иль павшие под грозным
Курляндским топором... ⁵

Строфы эти, конечно, не могут относиться к предкам лемешевского пастуха Алексея Розума; речь здесь идет о галерее портретов князей Львовых, считавших свой род от Рюрика, служивших в XVI—XVII вв. при дворе московских царей.

Особое значение имеет письмо Толстого, написанное 8 декабря 1870 г. в ответ на присылку ему текста адреса гласных Московской городской думы, поданного 17 ноября 1870 г. Александру II.

В ноябре 1870 г. осложнилось международное положение России. Пользуясь ослаблением Франции в войне с Пруссией, Россия отказалась от статьи Парижского трактата 1858 г., запрещавшей ей держать оборонительную силу на Черном море. Циркулярная нота кн. А. М. Горчакова вызвала большие толки. Петербург, Киев и в след за ними другие города выразили царю свои верноподданнические чувства. В московском адресе, авторами которого были кн. В. А. Черкасский и Ю. Ф. Самарин, наряду с поддержкой правительственной внешней политики была выражена надежда на дарование царем свободы печати, вероисповедания и совести.

Адрес не был принят, царь возвратил его с выговором, как «неуместный» и «неприличный». Попытка либеральных кругов воздействовать на правительство окончилась и на этот раз провалом. В газетах московский адрес не был опубликован, но получил широкое распространение в обществе; о нем писала и заграничная пресса.

В своем письме к Волковой Толстой не только высказывает свое отношение к адресу, но и формулирует свои политические взгляды.

«Во-первых, милая Маша, мороз так стреляет как бы у кого в ушах, во-вторых, благодарю тебя за адрес. Я сначала подумал, что он ко мне, и только удивлялся, почему ты меня называешь величеством. Потом раскусил, а напоследок разжевал. Не предавай меня анафеме за мое суждение. Во всем адресе я сочувствую только одному: желанию свободы веры и совести. Что касается до приему чтобы «вступить в материю», то он напоминает мне следующий анекдот: Один отставной генерал любил рассказывать про свои сражения и придирался к каждому случаю, чтобы приклеить к нему свой рассказ. Однажды ему как-то не удавалось ни к чему прицепиться; тогда он вдруг, среди общего разговора, вскочил и сказал:

— Entendez-vous. Je crois qu'on tire du canon? — Mais, non, général, cela vous a paru, personne ne songe à tirer du canon. — C'est égal, à propos de canon je vais vous raconter... * — и пошел рассказывать.

Так и Самарин с Черкасским ждали, ждали да и закричали:

— C'est égal! À propos de la circulaire du chancelier, donnez nous la liberté de la presse... de la conscience **.

Вещь сама по себе хорошая, слов нет, но последовательности не много. А что до самой сути, то, как сказано, я сочувствую и желаю свободы веры и совести. Касательно же полной свободы печати, буду говорить дерзко. Я иду далее адреса, я просто желал бы, чтобы у нас была Конституция, настоящая, хорошая, не карриатура на Конституцию. При ней желательна и свобода печати. Но при неограниченном правлении — она есть противуречие и непоследовательность. Она более, она положительно вредна. Она равняется построению крыши прежде фундамента. Она привела бы не к разумной перестройке здания, но к его разрушению и распадению, а там что бог даст! Сохрани нас бог от такой перестройки. Я не хочу этим сказать, что одобряю все цензурные меры, которые у нас принимаются, напротив; но я не вижу, как может ужиться полная свобода печати с самодержавием? А если мне скажут, что она приведет к Конституции, то я отвечу: несколько, она приведет теперь лишь к анархии. Будем желать Конституции, но не этим путем; будем наводить правительство на благодетельную мысль изменить свой фундамент, и изменить его постепенно, а когда изменится фундамент, тогда придет и свобода печати. А свободу совести можно дать и сегодня, и чем скорей, тем лучше. Я много бы еще мог болтать про это, но уже поздно и тебе пора спать».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЛН, т. 37-38, с. 571.

² «Из воспоминаний об Иване Сергеевиче Тургеневе и его письма». — «Новое время», 1910, № 12497, 25 декабря.

³ Датировка дается по парижскому адресу А. К. Толстого и по сведениям об окончании романа «Князь Серебряный» и поэмы «Дон-Жуан».

⁴ А. К. Толстой. Собр. соч., т. 1. М., Гослитиздат, 1963, с. 65.

⁵ Там же, с. 706.

* — Послушайте! Кажется стреляют из пушек? — Нет, генерал, это вам показалось, никто и не думает стрелять из пушек. — Все равно, по поводу пушек я вам расскажу... (франц.).

** — Все равно! По поводу циркуляра канцлера, дайте нам свободу печати... совести! (франц.).